

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–8 за 2011 год

**Гале Кулаковской 15 лет 5 месяцев,
Саше Раскиной 10 лет 4 месяца.
8 сентября 52.**

Саша:

— Мама, знаешь в чем ошибка Луизы Олькот? [1] В том, что ни одна из дочерей не похожа ни на мать, ни на отца.

— Характером?

— Нет, лицом. По картинкам вижу: ни одна не похожа.

*

Саша:

— Мама, на твою долю выпало большое счастье быть любимой добрым и честным человеком. Посмотри, что пишет насчет этого Луиза Олькот: «Большое счастье быть любимой добрым и честным человеком, и я желала бы этого счастья моим дочерям. Вот каковы мои планы. Но я вовсе не желаю, чтоб мои дочери вышли непременно за богатых людей. Что за семейная жизнь, когда при деньгах нет привязанности между мужем и женой? Деньги хорошая вещь, но только тогда, когда ими разумно и честно распоряжаются, и богатство вовсе не стоит в жизни на первом плане», — до чего верно, правда, мама? Очень хорошая писательница Луиза Олькот.

9 сентября 52.

Саша:

— Мама, Сергей Васильевич так и сказал тете Зое: «Позвольте мне надеяться»? Ах, как хорошо: «Позвольте мне надеяться...» Как в книге... «По-зволь-те мне на-де-ять-ся...»

*

Ожидая к обеду Акимова [2], мы заняли столовый сервиз у соседей, потому что наши тарелки выглядят просто постыдно. (Все в трещинах и щербинах). Саша вернулась из школы, окинула стол внимательным оком, вызвала меня в соседнюю комнату и сказала шепотом: «Не беспокойся, я понимаю, что спрашивать, откуда эти тарелки, — нельзя».

3 октября 52.

Саша, видно, решила брать свою самостоятельность с бою. Вчера Аграфена Филатьевна пошла за ней в школу. Приходит — Саши нет. Ищет, мечется — никаких следов.

Оказывается, Саша, накопив предварительно 30 копеек, села на трамвай и поехала на Сретенку — без разрешения и впервые в

жизни одна, без взрослых. Что творилось с Шурой, описывать не стану.

Приехав на Сретенку, Саша позвонила домой и светским тоном сообщила, что все благополучно.

Шура не может придумать достойного наказания. Говорит: «Пороть, пожалуй, нельзя, велика. Буду давить на психику».

А за что, в сущности, давить на психику? Ей уже невмоготу ходить с провожатыми, ей хочется быть самостоятельной — вот она и добивается этого, как умеет.

7 октября 52.

Саша:

— Мама, мы шли с Галей Людмирской и разговаривали вот о чем. Если человек умер, а скорая помощь приехала не позже, чем через 5 минут — человека можно оживить. Получается очень хорошо: во-первых, человек может дважды в году праздновать день своего рождения, а во-вторых, его можно распросить, что он ТАМ видел.

— Надеюсь, что ничего не видел.

— Почему? Ты думаешь, что лучше, чтоб это было, как сон? Человек уснул, и все?

— Да, я так думаю.

— А по-моему, все таки лучше вознестись куда-нибудь туда, — тут Саша подняла глаза к небу, — а, мама?

8 октября 52.

Сегодня нашему папе 38 лет. («Александр Иванович Корейко был в последнем приступе молодости — ему было 38 лет»).

Мы шли с Сашей по улице и раздумывали, что бы подарить Шуре.

— Давай подарим подстаканник, — сказала я.

— Нет, не надо. Он ведь пьет из чашки. А потом — металл хороший проводник тепла, подстаканник будет горячий, и папа станет обжигать руки. А скажи, что дороже — подстаканник или книга?

— Подстаканник, конечно.

Портрет А. Б. Раскина работы Н. П. Акимова. 1940-е годы. Фон картины отсылает к ташкентскому периоду. А. Б. называл этот портрет «Русский на Востоке».

— Почему «конечно»? Ведь людям книги гораздо нужнее, чем подстаканники? Ах, наверное, потому они и стоят дешевле — вот без хлеба совсем нельзя — поэтому он самый дешевый. Без книги тоже нельзя — поэтому они тоже дешевые.

*

— Мама, у каждого писателя своя привычка. Вот Диккенс, например, любит забегать вперед. Он пишет: «Она не знала в эту минуту, что много лет спустя...» или: «Прощаясь с ним, я не думал, что в последний раз пожимал его руку, как руку друга...» И еще много. А Каверин, например, любит писать: «Прошло три года», «прошло пять лет».

В общем, своим умом дошла до понимания некоторых особенностей Диккенсовской композиции. Здорово!

*

Саша с величайшим удивлением слушает текст песни из «Свадьбы с приданным».

Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда разлюбить...

Саша, с насмешкой: Из вежливости, что ли?

*

Саша:

— Мама, я очень не люблю, когда ты разговариваешь со мной, а думаешь о другом. Помню, когда я была совсем маленькая, я тебя спросила: «Ты любишь немцев?» — и ты ответила: «Да», — и только когда я закричала от ужаса, ты объяснила, что отвечала машинально. Я тогда в первый раз узнала, что такое МАШИНАЛЬНО. Так вот, я не люблю, когда ты отвечаешь, а сама думаешь о другом. Пожалуйста, когда говоришь со мной, думай только про меня и больше ни про кого.

15 октября 52.

С Сашей в троллейбусе заговорили по-армянски. Она сказала:

- Я не понимаю вашего языка.
- А разве ты не армяночка?
- Нет, я русская.
- С такими черными глазками — русская?
- Я в том смысле, что советская.

29 октября 52.

Саша впервые получила двойку. По географии.

Шура:

— Все потому, что ты ленишься. Потому, что читаешь, вместо того чтобы учить уроки! Запрещаю тебе читать!

— А ты... а ты... разве... никогда... не получал... двоек? — рыдая, спрашивает Саша.

— Никогда! — гремит Шура (немного спустя, он объясняет мне, что двоек действительно не было: все дело в том, что в его школьные годы не ставили двоек, а ставили «неуд»).

Потом Шура уходит, а Саша, плача и рыдая, говорит мне:

— Пожалуйста, поцелуй меня... потихоньку от папы...

*

Мы с Шурой смотрели фильм «Господин Фабр». Шуре очень понравилось, как великий ученый кричал: «Дочери Фабра не выходят замуж! Мои дети нужны мне самому!»

13 ноября 52.

Саша снова хворает. Ангина.

14 ноября 52.

Обычно дети, когда у них высокая температура — спят весь день напролет. Саша — не спит. Она рада, что дорвалась до меня, и поэтому размышляет, рассуждает до потери сознания («моего», — добавляет Шура).

Доктора она изумила тем, что подробно расспрашивала:

— А яйцо всмятку мне можно? А сосиски? Рыбу? Жареное мясо?

Доктор привык — если ребенок болен, он есть не хочет.

— Это хорошо, что она у вас не теряет аппетита, несмотря ни на что. Я, знаете ли, в первый раз вижу, чтоб с температурой в 39 хотели жареного мяса.

15 ноября 52.

Саша:

— Мама, обычно в книгах есть незначительные люди и главные. А у Диккенса все главные, все важные.

— Ну, как же — Давид Копперфильд — главное других.

— Да, конечно, но все-таки такого, как у тебя Трофимов [3], у него нет. Всех его людей прямо до косточки видишь. Даже лавочник, у которого живет Пеготти с Баркисом — и то я про него все могу рассказать. А про Трофимова что расскажешь?

Очень верно: про Трофимова рассказать нечего. Она, видно, хотела сказать, что у Диккенса нет бледных персонажей.

*

Саша:

— Мне очень нравится этот доктор. Он сказал: «Не ограничивайте ее в пище».

*

Саша:

— Мама, я совсем не думаю о том, что сегодня. А думаю либо про каменный век, либо про коммунизм. Вот какое дело.

*

Саша:

— Мама, я теперь всегда слушаюсь, когда ты не велишь читать какую-нибудь книгу. Потому что, когда мне было 6 лет, я стала читать «Давида Копперфильда» и мне не понравилось. А сейчас как понравилось! Я, конечно, не стану читать эту книгу во второй раз, потому что она очень грустная. Но она очень хорошая. И так мне жалко матушку Давида. Хотя она зря вышла замуж за Мордстона, правда?

И вот, когда ты мне сейчас говоришь: «Тебе рано читать эту книгу», я вспоминаю, как я в 6 лет стала читать «Давида». И теперь я всегда тебя слушаюсь.

*

— Очень, очень жалко, что матушка Давида вышла замуж за Мордстона. Но с другой стороны, если б она за него не вышла, Давид не встретился бы с Агнессой и не женился бы на ней.

— А кто тебе больше нравится: Агнесса или Дора?

— Агнесса, конечно, умнее, но Дору больше жалко.

17 ноября 52.

Саша:

— Станный, непонятный человек — Борис Годунов. То бросается между царем и Федором, а то убивает мальчика. Нет, не верю я, чтоб он мог убить мальчика. Не убивал он!

*

Саша:

— Сначала у мамы в глазах смешинки. Потом она надувает щеки. А потом — смеется. Я даже придумала:

Щеки сокращаются —

Мама огорчается.

Щеки надуваются —

Мама улыбается.

Папа, папа, посмотри: вот сейчас она засмеется! Видишь, я же сказала!

*

Саша:

— Мама! Нет — папа! Нет — оба! Послушайте!

23 ноября 52.

Мама, посмотри, как нехорошо пишет Зоценко: «Например, я знал одну маленькую девочку Лялю, которая считала только до пяти. И то, как она считала? Она говорила: “1, 2, 4, 5”. И “3” пропустила. Разве это счет? Это же прямо смехотворно. Нет, навряд ли такая девочка будет в дальнейшем научным работником. Скорее всего, она будет домашней работницей или младшим дворником с метлой». Нехорошо, да?

— Нехорошо, да. А почему?

— Ну, представь, что я читаю этот рассказ Ольге Леонидовне — она ведь обидится, правда? Нельзя обижать людей. А вообще я Зоценко люблю.

*

Сашу выписали на работу, но не велели до 1-го декабря заниматься физкультурой: надо побереечь сердце.

Саша:

— Мама, я боюсь *потерять расположение* учительницы по физкультуре. Она меня любит, а если я не буду заниматься физкультурой — возьмет да и перестанет любить.

— А ты почему знаешь, что она тебя любит?
— Ну, что ты, мама, разве человек не чувствует, когда его любят?
(или: человек всегда чувствует, когда его любят, — не помню).
Подумав, добавляет:
— Она зовет меня по имени.

*

Саша не знает, что бы уж такое ей придумать:
— Мама, у меня *брови* болят!

*

На праздниках у Гали были гости. Маленьких не допускали. Разрешили — на птичьих правах — прийти только Саше. У Саши не хватило духу отказаться, и она была наказана за свое малодушие: ей, как я понимаю, пришлось испить чашу глубокого унижения.

— Понимаешь, мама, они все жаловались на то, какие у них отвратительные младшие братья и сестры. Таня сказала: «Хуже моей Динки нет никого». А Шурик Червинский не согласился: «Ну уж, нет: с моей Наташкой никто не может сравниться». Тогда Таня спросила: «А кто хуже — твоя Наташа или Саша?» И Шурик сказал: «Что ты сравниваешь этого ангела с моей сестрой?» Мне стало так обидно, так обидно, прямо ужас.

— Что же ты обиделась — тебя ведь назвали ангелом?

— Мама, ну как ты не понимаешь, это ведь с насмешкой. Тут я взяла, обиделась и ушла в другую комнату — к папе Абе.

*

Была я на родительском собрании у Гали. Англичанка сказала: — Галия Кулаковская? Хорошая девочка, с большим чувством ответственности... и с чудовищным почерком...

Преподавательница литературы:

— Галия очень хорошая девочка — вы же сами знаете. Но почерк, почерк, доложу я вам...

25 ноября 52.

Саша, философски:

— Богатство — это одно. А счастье — это совсем, совсем другое!

*

Саша, подхалимски:

— Мама, когда ты веселая, ты такая красивая!!!

29 ноября 52.

Саша сидит у меня на коленях. На глазах у нее слезы.

— Саша, ты что?

— Я тебя люблю.

— Зачем же плакать?

— От любви.

— Ну, — говорю я, — я вижу, ты совсем глупая.

Саша молчит некоторое время, а потом спрашивает:

— Ты думаешь, что любить надо весело?

Ноябрь 1952.

Саша:

— Папа, я попросила у одной девочки карандаши, она мне не дала. Потом она у меня попросила, я ей дала. Потом я снова у нее попросила, и она опять мне не дала. Какая же польза от того, что я ей дала?

Шура:

— Польза та, что ты знаешь, что поступила хорошо, и можешь себя уважать.

Длинная пауза.

Саша:

— Вот Таня Урбанович говорит: мне всю жизнь (Тане 11 лет) внушают — плати добром за зло. Я и плачу! Но толку от этого не вижу ни-ка-ко-го!

Помолчав, Саша добавляет:

— Я тоже не вижу.

*

Саша, рисуя:

— Можно не иметь таланта, но можно стараться.

*

Саша:

— Почему очки делают женщину некрасивой? А мужчины от очков становятся такие внушительные. Разве можно себе представить Валерию Мессалу в очках?

— Это кто же — Валерия?

— Ну, как же: та, что любила Спартака. А Спартак в очках? Нет, нет, тоже нельзя! Смешно-то как, мама, подумай: Спартак — и вдруг в очках!

*

Саша:

— Мама, «шедевр» — это хорошо или плохо?

10 декабря 52.

Одному молодому человеку я помогла добыть рукопись на редактуру. Получив гонорар, он примчался к нам сияющий и положил на стол две коробки конфет: — Это вашим девочкам.

— У нас сегодня никто не именинник, — сказала я сердито.

Заикаясь, он что-то бормотал, объясняя, а я в свою очередь постаралась объяснить ему, что у меня нет обыкновения получать коммиссионные. Он даже побледнел от негодования и стал почти кричать в ответ, как вдруг Саша подошла к столу, взяла коробки и, обращаясь к нему, сказала: «Большое вам спасибо!»

Я онемела, а молодой человек, вскричав: «И тебе спасибо, Сашенька!» — убежал с такой быстротой, что я даже не успела схватить его за полу.

Потом мы вместе с Шурой накинулись на Сашу и долго топтали ее ногами, а она только отвечала:

— Но ведь он ничего плохого не сделал... Он же так огорчился... Он ведь обиделся бы, если не взять.

*

Саша:

— Не могу уснуть, если ты не поцелуешь меня на ночь.

— А ты бабушку попроси — она поцелует.

Саша:

— Это не то!

*

На неделю приезжали Калабалины [4]. Когда Саша пришла из школы, я спросила:

— Как ты думаешь, кто это?

Она с минуту переводила глаза с Гали на Семена, а потом, засияв, воскликнула:

— Это Калабалины! Тетя Галя! Дядя Семен! Здравствуйте!!! Дядя Сеня, скажите папе, чтоб он отпускал меня в школу одну!

*

Галя рассказывает:

— Сегодня Элла Дроздовская на большой перемене говорит всему классу: «Слушайте, девочки, вот что я хочу вам сказать. Вчера я, Инга и Лиза пошли на каток. У самого катка какой-то мальчишка выхватил у меня коньки, передал другому, тот третьему. Потом коньки достались какому-то маленькому мальчишке, и я побежала за ним. А вся ватага больших парней кинулась за мной. Парень с коньками забежал в проходной двор, я за ним. Потом в какой-то безлюдный переулочек — я не отстаю. Но тут меня окружили большие парни и я, ни жива, ни мертва, стукнула одного напильником от коньков — у меня в руках был Ингин напильник. Они расступились, и я побежала обратно к катку — смотрю, ни Инги, ни Лизы — они даже не подождали меня — пошли на каток, хоть и видели, что за мной гналась целая банда. Разве так товарищи поступають?»

Саша:

— Эх, ма! Далеко еще до коммунизма!

Галя:

— Ну, мы этим девчонкам сказали. Они говорят: «Мы растерялись». А я говорю: «Растерялись и пошли на каток?»

В общем, мы дали им жизни! Надолго запомнят!

*

Галя:

— Мама, послушай, мы говорим нашему завучу: «Можно, мы вместе с мальчиками организуем фотокружок?» А она отвечает: «Нет, нельзя. Думаете, я не знаю, как фотографируют?» Мы говорим: «Как? Обыкновенно». А она усмехается и говорит: «Да, а проявляют в темноте...» Ты подумай только, мама!

Саша:

— Мама, а что она хотела этим сказать?

Лично я думаю, что таких надо убивать. Такая грязная подлога.

Дачная компания: Алеша Симонов, Саша, Таня Урбанович, Галя. Начало 1950-х.

Я молчу. Тогда Саша легонько толкает меня в бок — что, мол, не отвечаешь?

28 января 53.

Я:

— Саша, Шабанова и Людмирская — дружат?

Саша, подумав:

— Шабанова с Людмирской дружит; а Людмирская с Шабановой — водится.

*

Телефонный звонок:

— Можно Галю?

— Ее нет. А кто ее спрашивает?

— Вова.

— Здравствуй, Вова. Что передать Гале?

— Передайте ей, пожалуйста, что у меня есть ЛИШНИЙ билет в театр.

*

Саша:

— Мама, страшно подумать, если б я жила в Америке, я была бы плохая и думала бы плохо, неправильно.

— А сейчас ты хорошая?

— Ну! Советская же! А если б я жила там, я была бы за Эйзенхауэра, Трумена — даже дрожь пробирает, как подумаешь!

*

Саша:

— Мама, у меня такое желание, чтоб ты мне все время повторяла, что ты меня любишь.

*

Когда Саше с Таней было по 8 лет, а Алеше 11, он хорошо, с удовольствием играл с ними: девочки перед ним преклонялись, он ими помыкал, и все были довольны такой расстановкой сил. Теперь Саше с Таней — 10, Алеше 13, и ему с ними скучно. Они несколько раз приглашали его, он обещал прийти — и не приходил.

Саша не вынесла — и послала ему такое письмо:

Знаком был Алеша Симонов с Галей,

Они дружили, друг друга знали.

Нравилась Леше дружба такая:

Ведь Галя старше его, большая.

Знаком был Алеша с Таней и Сашей,

Очень дружили родители наши. [5]

Дружил Алеша и с ними сначала,

Но вот все заметили: он зазнавала.

Сказал Алеша: «Я большой,

А вы в начальной школе!»

Сказал Алеша: «Не желаю

С вами знаться боле!»

А Таня с Сашей отвечали:

«Мы вовсе не в большой печали.

Не хочешь дружить — не надо, пусть,

Мы не впадем ни в какую грусть.

Но ты должен помнить: ты сам был таким.

Ты ведь не сразу родился большим».

Нам зазнавалы не нужны!

Дети задаваться не должны!

Мы дети от года до 15 лет,

И Алеша — не исключенье.

Задаваться никто не должен —

И это стихов заключенье!

*

Галя:

— Мама, встань на цыпочки и поцелуй меня в лоб!

*

Саша, рыдая:

— Не думай, не думай, пожалуйста, что ты красивая и симпатичная, когда сердишься.

*

Галя:

— Мама, я была на лекции о культуре поведения. Нам там сказали, что употреблять такие слова, как «сволочь» ОЧЕНЬ неприлично. Вот Америка!

*

Телефонный звонок:

— Можно Галю?

— А кто ее спрашивает?

— *Один знакомый.*

Галя берет трубку:

— Да... Да... Нет... Да... Ну что ж, хорошо. Да... Да...

— Галя, это кто звонил?

— Один мальчик. Его зовут Дима. 8-го я пойду с ним на «Голос Америки» — он пригласил.

— Почему же ты не спросила у меня разрешения?

Галя, широко открыв глаза:

— Мама, ну неужели, неужели бы ты не разрешила?!

*

Саша, по какому-то поводу:

— А ОН говорит иначе.

— Кто это «ОН»?

— Алеша.

13 января 53.

Саша очень много думает и говорит о смерти. Просыпаясь ночью: «Мама, я не умру?» Или, ложась спать: «Мамочка, можешь ты мне обещать, что я сегодня не умру? Я очень боюсь умереть».

— Мама, я никак не могу себе представить: был человек — и нет его...

— Мам, я без тебя жить не смогу. Давай умрем вместе.

Я помню: и у меня в детстве так было.

14 января 53.

Сейчас мы с Шурой в поте лица работали на Сашу: я переписывала красивым почерком заметку в стенгазету, а Шура сочинял сатирические стихи. (Саша дала ему список девочек с прегрешениями, указав при этом и свои собственные).

Наблюдая эти наши поступки, Ольга Леонидовна сказала:

— Таких родителей очень по радио пробирают...

16 января 53.

Саша:

— Наташа Шабанова очень обиделась на стихи.

Шура, протирая очки:

— Больше я в этой газете не работаю!

*

Саша:

— Мама, я тебя обожаю!!! (с некоторым надрывом).

Галия.
Начало
1950-х.

— Любовь делить не надо, потому что она растет. А потом — с каждым новым ребенком рождается новая любовь.

— Ну, не знаю, — говорит Саша с сомнением. И добавляет: — Не уверена я в этом.

28 марта 53.

Саша:

— Мама, я хочу стать старше Гали.

— Зачем это тебе?

— Я хочу, чтоб она походила в моей шкуре. Я ее буду несправедливо ругать, а она пускай страдает.

26-го марта праздновали день Галиного 16-летия.

Среди подарков были две обложки к паспорту.

*

[13 января 1953 года в «Правде» была опубликована статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Большинство обвиняемых врачей были евреями, и они обвинялись, в частности, в связях с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”». В стране началась чудовищная антисемитская кампания. Шли слухи, что евреев будут выселять из больших городов в Сибирь, и под Москвой уже стоят для этого поезда. В отличие от маленькой Саши, Галия всё это знала и понимала.

В тетради номер 9, где Ф. А. иногда записывала пост-фактум что-то, чего она не могла доверить бумаге в сталинские времена, есть запись про разговор с Галей, которую мы ниже приводим. — А.Р.]

16 января 53 года у нас с Галкой был такой разговор:

— Мама, — сказала она вечером, уже лежа в постели, — присядь ко мне.

Я присела, она помолчала ещё с минуту, а потом сказала:

— Мне скоро 16 лет, и мне получать паспорт. И вот, я хочу тебе сказать, что я хочу быть той же национальности, что вы с Сашкой.

Я сказала, что это она верно решила. Но какая же у нас с Сашкой национальность? Родились мы в России. Родной наш язык русский. Мы думаем по-русски, я учила русскому языку русских ребятшек, пишу русские книжки. Мы с Сашкой тоже русские, но у нас нет формального права так называться. А у Гали оно есть — папа был русский, поэтому надо будет в паспорте написать «русская».

Галия всё это терпеливо слушала, а потом сказала:

— Я знаю, зачем ты всё это говоришь. Но если я запишусь русской, я буду чувствовать себя так, как будто я во время газовой атаки схватила единственный противогаз.

— Знаешь, — сказала я, обомлев от такого сравнения, — утро вечера мудренее. До 26-го марта больше двух месяцев, ещё успею подумать.

26 марта 53 года Галке исполнилось 16 лет. 4-го апреля оправдали врачей.

— Ну, Галия, — сказала я, — какую национальность ты себе выбрала?

— Теперь вроде бы не стыдно и русской, — ответила Галия вполне равнодушно.

Потом оказалось, что размышлять нечего: ей выдали паспорт, в котором было уже проставлено: русская.

(Продолжение следует)

Саша:
— Папа, в словах «беллетристика» и «белиберда» — корень один?

Папа:

— Как когда.

*

Я обращаюсь к Шуре с разными вопросами. Он читает, и ему отвечать неохота. Он говорит: «Фридоочка, пойдй, займись чем-нибудь общественно полезным...»

Саша, строго:

— Хоть и «Фридоочка», а все равно обидно.

4–9 марта 53.

В эти дни Сашу ранило каждое веселое слово, каждая улыбка. Ее поражало, что люди ходят в магазины, варят обед, едят и пьют.

Она спрашивала:

— Как же сейчас будет? Что же мы будем делать? [6]

*

Саша:

— Папа, мне надо у тебя кой о чем спросить, только, пожалуйста, не отвечай, что тебе некогда, что у тебя болит голова и что ты уходишь.

24 марта 53.

Саша:

— Ох, и ругала нас учительница! Самыми последними словами: и аристократами и всяко...

25 марта 53.

— Мама, у тебя очень много друзей. Человек 200, наверное. Можешь ты сказать, кто у тебя на первом месте, кто на втором, на третьем?

— Я не могу своих друзей расставлять, как солдат, по росту.

— Ах, а мне так бы хотелось знать, кто сразу после тети Норы идет? И кто самый последний? Ему, наверное, обидно — последнему-то?

*

Саша:

— Не хочу, чтоб у нас родился еще один ребенок. Когда я родилась, тебе пришлось делить любовь между мной и Галей, а раньше она вся была Галина. А теперь придется делить между тремя детьми, и всем очень мало достанется.

[1] Американская писательница (1832–1888), автор книги «Маленькие женщины».

[2] Николай Павлович Акимов, ленинградский театральный режиссер и художник.

[3] Из книги Ф. Вигдоровой «Мой класс».

[4] Семен Афанасьевич Калабалин — воспитанник А.С. Макаренко, введенный в «Педагогической поэме» под именем Карабанова. Семен Афанасьевич и жена его, Галина Константиновна, многие годы вместе работали в детских домах. Деятельность С.А. и Г.К. Калабалиных легла в основу трилогии Ф. Вигдоровой: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка».

[5] А.Б. и Ф.А. издавна дружили с мамой Алеши Симонова Евгенией Самойловной Ласкиной, а летом 1950 г., на даче в Ильинке, подружились через нее и с мамой Тани Урбанович Эллой Яковлевной Девириц («тетей Люсей»).

[6] 5 марта 53 г. умер Сталин.